

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations
Правильная ссылка на статью:

Поярков С.Ю. Международно-правовая защита прав человека в условиях трансформации современного конституционализма: основные тенденции и перспективы развития // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.2.74142
EDN: VSFJYB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74142

Международно-правовая защита прав человека в условиях трансформации современного конституционализма: основные тенденции и перспективы развития

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений (ФГУП)

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

✉ psu70@bk.ru

[Статья из рубрики "Международные организации, международное право и внутригосударственное право"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.2.74142

EDN:

VSFJYB

Дата направления статьи в редакцию:

18-04-2025

Аннотация: Современные процессы глобализации, цифровизации и политических изменений обостряют проблему обеспечения прав человека на международном уровне, при этом трансформация конституционализма выступает важнейшим контекстом для переосмысления механизмов их защиты. Международно-правовая защита прав человека становится неотъемлемой частью обновляющихся конституционных систем, что требует анализа не только правовых норм, но и политико-правовых парадигм. В условиях фрагментации государственного суверенитета и усиления влияния транснациональных акторов возрастает значимость универсальных и региональных механизмов правовой защиты. В этой связи предметом исследования является соотношение международно-правовых гарантий прав человека и процессов трансформации конституционализма в различных государствах. Особое внимание уделяется правовому и институциональному

взаимодействию между национальными и наднациональными уровнями системы правовой защиты. В методологическом отношении работа опирается на комплексный подход, сочетающий принципы юридического, политологического и сравнительно-правового анализа. Используются как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), так и специальные (сравнительно-правовой, формально-юридический, институциональный). Эмпирическая база включает в себя документы ООН, региональных правозащитных организаций, решения международных судов и национальных конституционных судов. Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что в нём предпринята попытка рассмотреть международно-правовую защиту прав человека не в статической перспективе, опираясь исключительно на правовые нормы и институты, а в динамике — сквозь призму трансформирующегося конституционного порядка. Такой подход позволяет выявить внутреннюю логику правового развития в условиях мирового правового плюрализма и институциональной нестабильности. Кроме того, в работе предложена концепция «интегративного правозащитного подхода», ориентированного на гибкое сочетание универсальных международных стандартов с локальными формами правовой культуры и институциональной организации власти. Таким образом, целью статьи становится не только правовой анализ существующих норм, но и формулирование ориентиров для возможной трансформации правозащитных механизмов в условиях постклассического конституционализма.

Ключевые слова:

международное право, права человека, трансформация конституционализма, глобализация, цифровизация, правовые гарантии, ЕСПЧ, суверенитет, наднациональные институты, правовое развитие

Введение

Современная эпоха характеризуется глубинными изменениями, охватывающими как политico-правовые, так и социально-экономические структуры общества, что неминуемо оказывается на устоявшихся механизмах регулирования и защиты прав человека. Особое место среди этих изменений занимает трансформация конституционализма как фундаментального принципа организации публичной власти и взаимодействия государства с личностью. Конституционализм, формировавшийся на основе идей народного суверенитета, верховенства права, разделения властей и гарантии прав и свобод, в последние десятилетия оказался под давлением внешнеправовых и внутригосударственных вызовов. На фоне ослабления традиционных демократических институтов, политической фрагментации и растущего недоверия к правовым механизмам международной и национальной юрисдикции, актуализируется вопрос о пересмотре и адаптации существующих систем правовой защиты к новым реалиям.

Глобализация, выступающая не только как экономический, но и как нормативно-ценостный феномен, существенно повлияла на концептуальные основания прав человека. Усиление взаимозависимости государств, расширение трансграничных потоков информации, капитала и людей, а также институционализация международных организаций обусловили рост влияния международного права на внутренние правовые порядки. Однако этот процесс не был однозначным: с одной стороны, происходило расширение международных стандартов в области прав человека и развитие наднациональных механизмов их защиты (включая деятельность ООН, Европейского суда по правам человека, Межамериканского суда по правам человека и других

структур), с другой — усиливались тенденции к ревитализации государственного суверенитета, сопровождаемые критикой универсалистского подхода к правам человека как «внешнего навязывания» [1].

Цифровизация, в свою очередь, выдвинула на первый план качественно новые вызовы, не предусмотренные классической теорией правовой защиты. Расширение сферы действия алгоритмических технологий, автоматизация государственного управления, сбор и обработка персональных данных — всё это поставило под сомнение эффективность прежних правовых механизмов. Нарушения прав человека в цифровой среде приобретают менее осязаемые, но не менее разрушительные формы. В условиях, когда частные корпорации, владеющие массивами пользовательской информации, фактически становятся квазигосударственными субъектами, возникает необходимость пересмотра понятия правового статуса личности и способов её международно-правовой защиты. При этом современное международное право, несмотря на наличие отдельных резолюций и деклараций (например, Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/167 о праве на приватность в цифровую эпоху), ещё не выработало универсального подхода к решению этих проблем.

Помимо технологических и экономических факторов, на структуру международно-правовой защиты оказывают влияние кризисные явления политического характера — в частности, деградация механизмов демократии, рост авторитарных тенденций, милитаризация политических процессов и институциональный скептицизм по отношению к международному праву. Эти процессы приводят к правовому изоляционизму, ограничению юрисдикции международных судов и усилению конфликтов между национальными конституциями и международными обязательствами. В подобных условиях происходит не просто трансформация формы правового регулирования, но и смена нормативной парадигмы, что требует глубокого анализа и переоценки.

Учитывая обозначенные тенденции, в настоящей работе предпринята попытка выявить ключевые направления развития международно-правовой защиты прав человека в контексте трансформации современного конституционализма. Исследование сосредоточено на выявлении точек пересечения и конфликтов между международным и национальным правопорядками, а также на осмыслении того, каким образом эволюция представлений о суверенитете, публичной власти и цифровой идентичности влияет на юридические механизмы защиты прав и свобод личности. Особое внимание уделяется не только содержательным изменениям в правовых институтах, но и политико-правовым основаниям этих изменений, которые требуют переосмысливания самого подхода к природе прав человека как глобального феномена.

Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что в нём предпринята попытка рассмотреть международно-правовую защиту прав человека не в статической перспективе, опираясь исключительно на правовые нормы и институты, а в динамике — сквозь призму трансформирующегося конституционного порядка. Такой подход позволяет выявить внутреннюю логику правового развития в условиях мирового правового плюрализма и институциональной нестабильности. Кроме того, в работе предложена концепция «интегративного правозащитного подхода», ориентированного на гибкое сочетание универсальных международных стандартов с локальными формами правовой культуры и институциональной организации власти. Таким образом, целью статьи становится не только правовой анализ существующих норм, но и формулирование ориентиров для возможной трансформации правозащитных механизмов в условиях постклассического конституционализма.

Теоретико-правовые основания международно-правовой защиты прав человека

История становления системы международно-правовой защиты прав человека представляет собой сложный и многослойный процесс, начавшийся как реакция на катастрофические события мировой истории, прежде всего — Второй мировой войны, и постепенно трансформировавшийся в целостную нормативную систему, обладающую как универсальными, так и региональными измерениями. Первоначально международное сообщество стремилось выработать общие для всех государств стандарты, способные стать гарантией недопущения повторения масштабных нарушений прав и свобод личности. Этот этап, начавшийся с принятия Всеобщей декларации прав человека 1948 года и получивший свое закрепление в Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.) и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), получил название эпохи универсалистского оптимизма. Именно в этот период формировались ключевые понятия международного правозащитного дискурса: достоинство человека как онтологическая основа прав, универсальность и неделимость прав человека, а также обязанность государств уважать и обеспечивать данные права вне зависимости от уровня их развития, политического строя или культурных особенностей.

Однако с конца XX века универсалистская модель стала подвергаться критике и переосмыслению, что в значительной степени было обусловлено усилением роли региональных правозащитных систем, таких как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950), Американская конвенция о правах человека (1969) и Африканская хартия прав человека и народов (1981). Эти документы, ориентированные на учет особенностей культурного, исторического и правового развития соответствующих регионов, продемонстрировали, что глобальный универсализм может вступать в противоречие с локальными формами правосознания и национальной правовой идентичностью. Появление и развитие плюралистических моделей прав человека отразило стремление к децентрализации международно-правовой защиты и усилию субъектности государств в определении форм реализации международных обязательств. А. Sen в этой связи справедливо отмечает, что универсальность прав не должна трактоваться как одинаковость форм их реализации, поскольку «различия в путях к справедливости обусловлены особенностями локальных контекстов» [2].

В современных условиях базовые документы международного права, составляющие так называемый Международный бильль о правах человека, продолжают оставаться краеугольным камнем международно-правовой правозащитной архитектуры. Тем не менее, изменяющаяся глобальная реальность требует их нового прочтения и переоценки. Всё чаще в научной литературе поднимается вопрос о том, насколько данные документы способны отвечать на вызовы цифровой эпохи, проблемы миграционных кризисов, транснационального терроризма и усиления авторитарных режимов. В этой связи традиционные категории прав человека по мнению Д.Г. Василевича должны быть переосмыслены в контексте новых глобальных угроз [3]. Аналогичную точку зрения высказывает и T. Donnelly, утверждая, что международные правозащитные стандарты, созданные в индустриальную эпоху, испытывают дефицит применимости в постиндустриальном обществе [4].

При этом следует констатировать, что неотъемлемую роль в развитии и институционализации международной правозащитной парадигмы играют международные организации и судебные институты, такие как Совет по правам человека ООН,

Европейский суд по правам человека, Международный уголовный суд, а также региональные комиссии и комитеты. Они не только осуществляют мониторинг соблюдения государствами международных обязательств, но и формируют доктринальные подходы, создают правоприменительную практику, развивают толкование норм международного права. Особое значение имеет деятельность Европейского суда по правам человека, чьи решения оказывают влияние не только на национальные правовые системы стран-участниц, но и служат моделью для правового аргументирования в иных юрисдикциях. Так, в деле *S. and Marper v. the United Kingdom* (2008) Суд впервые установил правовые пределы хранения биометрических данных, тем самым заложив основу для международной практики в сфере цифровых прав.

Для более глубокого понимания места и значения международно-правовой защиты в системе публичного права необходимо обратиться к теории конституционализма. В классическом виде конституционализм представляет собой идею ограничения власти через право и гарантирование основных прав личности, получившую развитие в трудах Дж. Локка, Ш. Монтескье, А. Гамильтона и других теоретиков эпохи Просвещения. Однако в условиях трансформации правового пространства понятие конституционализма расширяется и выходит за рамки исключительно внутригосударственного измерения. Современные исследователи (например, И. А. Кравец [\[5\]](#), К. Л. Чайка [\[6\]](#), A. Stone Sweet [\[7\]](#)) указывают на формирование явления транснационального или глобального конституционализма, который отражает переход от централизованных моделей публичной власти к многоуровневому регулированию, сочетающему национальные, региональные и международные элементы. В этом контексте международно-правовая защита прав человека выступает как инструмент, обеспечивающий устойчивость публичного порядка в условиях нормативной фрагментации и конфликтов юрисдикций.

В этой связи особое значение в современном правовом дискурсе приобретает вопрос о соотношении международного и национального уровней правового регулирования. Конституционализм, первоначально ориентированный на национальное государство, всё чаще оказывается в положении связующего звена между этими уровнями. Он не только закрепляет приоритет прав и свобод в системе внутреннего права, но и становится механизмом трансляции международных стандартов в национальную юрисдикцию. Эта взаимосвязь реализуется через положения конституций о примате международных договоров (например, ст. 15 ч. 4 Конституции РФ), через решения национальных судов, принимающих во внимание международные нормы, и через процессы правового диалога между судами различных юрисдикций. В то же время наблюдается и противоположная тенденция — конституционный ревизионизм, при котором государства, ссылаясь на верховенство собственной конституции, отказываются от исполнения международных обязательств, что влечёт за собой снижение эффективности международно-правовой защиты и фрагментацию правового пространства (например, позиция Конституционного суда РФ по делам об исполнении решений ЕСПЧ: Постановление от 19.01.2017 № 1-П).

Таким образом, в условиях трансформации современного конституционализма международно-правовая защита прав человека представляет собой не просто систему норм и институтов, но и динамичную концептуальную модель, призванную адаптироваться к новым вызовам и сохранять ценностное ядро правовой цивилизации. Исследование её теоретико-правовых оснований требует не только юридического, но и междисциплинарного анализа, позволяющего охватить сложные взаимосвязи между правом, политикой, культурой и технологиями, определяющими уровень международно-правовой защиты в XXI веке.

Трансформация конституционализма и её влияние на международную защиту прав человека

Современный конституционализм всё в большей степени вступает в фазу глубоких системных изменений, под воздействием которых пересматриваются его ключевые ценности, формы и механизмы. Если в послевоенный период он ассоциировался преимущественно с либеральной моделью, опирающейся на верховенство права, разделение властей и защиту прав личности, то в XXI веке всё чаще можно наблюдать признаки его внутреннего кризиса. Этот кризис не носит исключительно правовой характер — напротив, он проявляется в глубинной деформации политico-правового баланса между личностью и государством, между внутренними и международными нормативными структурами. Возникает ситуация, в которой прежние юридические инструменты оказываются неспособными адекватно реагировать на вызовы нового типа: рост авторитаризма под демократической оболочкой, распространение нелиберальных политических режимов, усиление популистской риторики, направленной на дискредитацию международных институтов и норм.

В этой связи следует отметить, что международно-правовой порядок и конституционализм, несмотря на определённую близость и пересечения, не являются тождественными феноменами. Международное право регулирует отношения между государствами и иными субъектами, формируя универсальные стандарты и процедуры. Конституционализм же представляет собой доктрину ограничения власти, утверждения прав человека и верховенства закона, укоренённую в конкретной политico-правовой традиции. Трансформация конституционализма не означает его подчинения некоему наднациональному алгоритму. Скорее, речь идёт о его многослойности и способности к интеграции новых источников нормативности, в том числе международных, без утраты собственной суверенной основы. Такая модель не отрицает значение государства как главного носителя ответственности за реализацию прав и свобод, а лишь подчеркивает, что современные вызовы требуют более гибкой архитектуры публичной власти, в которой международные и национальные механизмы сосуществуют и взаимодействуют.

Одним из ключевых аспектов этой трансформации является напряжение между принципом народного суверенитета и обязательствами государств в международной правозащитной сфере. Популистские лидеры и движения, в стремлении к внутренней легитимации, всё чаще апеллируют к концепции суверенитета в её радикализированной форме, противопоставляя её международному праву как якобы навязываемой извне идеологии. В таких условиях международная защита прав человека, ранее воспринимавшаяся как инструмент гуманистического прогресса, начинает рассматриваться как вмешательство в национальные дела. В частности, G. J. Ikenberry, отмечает, что в логике нелиберального конституционализма происходит переопределение прав человека как производных от воли «настоящего народа», что подрывает их универсальный характер и способствует правовому изоляционизму [8].

Особое значение в этом контексте приобретает феномен гипертрофированного усиления исполнительной власти. Особенно в условиях кризисов глобального масштаба — пандемий, международных вооружённых конфликтов, миграционных волн и технологических катастроф. Эти события становятся своего рода катализаторами нормативных дерегуляций, позволяющих правительствам временно или постоянно приостанавливать действие правовых гарантий, ограничивать свободы и вводить режимы чрезвычайного управления. Причём подобные меры нередко находят поддержку в обществе, уставшем от неопределенности и склонном воспринимать централизованную

власть как источник стабильности.

Так, введённые во многих государствах ограничения в период пандемии COVID-19, включая использование цифровых приложений слежения, ограничение на передвижение, принудительную изоляцию, выявили тревожные тенденции нормализации исключительных полномочий. В научной литературе это явление получило название «перманентного чрезвычайного положения» (Giorgio Agamben), при котором границы между нормой и исключением размываются до степени, при которой права человека утрачивают статус неприкосновенности и становятся объектом утилитарных компромиссов.

На фоне усиливающихся рисков — как внешнеполитических, так и внутренних — происходит переосмысление таких фундаментальных принципов, как верховенство права, юридическая определённость, пропорциональность ограничений и правовая предсказуемость. Традиционное понимание верховенства права, закреплённое, в частности, в Преамбуле Европейской конвенции по правам человека, предполагает, что ни одно должностное лицо, включая главу государства, не стоит выше закона, а все государственные действия подлежат контролю со стороны независимой судебной власти. Однако в условиях политической турбулентности и юридического прагматизма эти положения всё чаще уступают место практике оперативных правовых интервенций, санкционирующих отступления от базовых гарантий. Некоторые исследователи говорят о наступлении постлиберальной эпохи права [\[9\]](#), где ценностные основания вытесняются соображениями эффективности и целесообразности, что влечёт за собой постепенную эрозию доверия к международной правозащитной архитектуре.

Одновременно с трансформацией институциональных и ценностных основ правопорядка меняется и сам субъект прав человека. В классической либеральной модели правовой субъект мыслится как автономный гражданин — рациональный, телесный, наделённый политической волей и юридической ответственностью. Однако в современных реалиях на первый план выходят новые формы субъектности: цифровая, биополитическая, сетево-гибридная. Цифровизация правовых отношений, внедрение биометрических технологий, алгоритмическое управление социальной сферой создают образ «нового субъекта» — одновременно уязвимого перед технологиями и включённого в трансграничные потоки информации, данных, власти. Так, человек становится не только носителем прав, но и объектом постоянного мониторинга, анализа и контроля, что порождает необходимость расширения рамок международного правозащитного дискурса за пределы традиционных категорий гражданства и телесной идентичности. Так, L. Floridi и S. Zuboff подчёркивают, что цифровое бытие личности требует новой правовой философии, способной учитывать как права на приватность, так и права на цифровую автономию и защиту от алгоритмического насилия [\[10\]](#).

В условиях пересмотра институциональных и содержательных основ прав человека всё большую актуальность приобретает феномен гибридизации международного и национального правозащитного пространства. Речь идёт не просто о взаимодействии правовых систем, а о сложном процессе их взаимопроникновения, в рамках которого международные нормы всё чаще реализуются через национальные институты, а национальные правовые подходы, в свою очередь, влияют на интерпретацию и развитие международных стандартов. Такой диалог наблюдается, например, в решениях Конституционного суда Германии, который нередко выстраивает баланс между приоритетом Основного закона ФРГ и обязательствами, вытекающими из участия Германии в международных договорах, в том числе в рамках Европейского союза и

Совета Европы. Подобная модель «полицентрического конституционализма» (M. Kumm) [\[11\]](#) предполагает, что ни одна правовая система не является абсолютной, и только через взаимодействие множества центров юридической легитимности возможно сохранение устойчивой защиты прав человека в глобализированном и фрагментированном мире.

При этом проблематизация всемирной трансформации конституционализма представляется оправданной с учётом различий в правовых традициях, уровнях институционального развития и отношениях с международно-правовой системой. Хотя трансформационные процессы действительно приобретают глобальный характер, они не ведут к нивелированию национальной специфики. Напротив, универсальные ценности, такие как права человека и демократические принципы, получают различную степень институционализации в зависимости от конкретного правового контекста.

А процесс трансформации конституционализма происходит не как единый глобальный процесс, а как совокупность локализованных изменений, отражающих адаптацию общих принципов к особым условиям. Это позволяет говорить о множественности моделей современного конституционализма, формируемых под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Тем самым трансформация конституционализма затрагивает не только внутренние юридические системы, но и архитектуру международной защиты прав человека, ставя перед ней задачи адаптации, переоценки принципов и выработки новых концептуальных оснований, способных противостоять нарастающему давлению кризисов, нeliберальных практик и технологических вызовов.

Современные тенденции в международно-правовой защите прав человека

Международно-правовая защита прав человека, долгое время воспринимавшаяся как устойчивый и универсализированный нормативный порядок, в настоящее время переживает процессы качественной трансформации, порождаемые глобальными изменениями политического, правового и культурного характера. Эти изменения затрагивают не только содержание прав человека, но и институциональные формы их защиты, интерпретационные подходы международных судебных инстанций, а также взаимодействие между международным и национальными уровнями правовой ответственности. Прежний идеал универсализма, сформированный в послевоенную эпоху XX века, всё чаще сталкивается с вызовами локализации, правового релятивизма, суворенизации правовой практики и политico-культурной диверсификации. Международные институты, в том числе судебные, вынуждены искать баланс между защитой общечеловеческих стандартов и признанием многообразия национальных правопорядков.

Одним из центральных акторов современной правозащитной системы продолжает оставаться Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), юрисдикция которого охватывает 46 государств — участников Совета Европы. Однако даже в рамках столь значительной юрисдикции наблюдаются процессы переосмыслиения пределов действия универсальных норм. Практика ЕСПЧ в последние годы демонстрирует постепенный сдвиг от категоричного универсализма в сторону более гибкой, контекстуальной юриспруденции, учитывающей особенности национальной правовой культуры. Принцип «свободы усмотрения» (*margin of appreciation*), выработанный в практике Суда, позволяет государствам определённую автономию в реализации положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950), особенно в сферах, сопряжённых с морально-этическими дилеммами, вопросами национальной безопасности или межэтнических отношений. Вместе с тем этот подход вызывает неоднозначные

оценки: одни исследователи видят в нём проявление уважения к национальному суверенитету (например, Gráinne de Búrca), другие — угрозу размывания стандартов прав человека и эрозии судебской независимости в условиях политического давления (G. Letsas) [12].

Анализ актуальных кейсов международной судебной практики позволяет выявить новые контуры доктрины прав человека, складывающейся под влиянием глобальных и локальных вызовов. Так, дело «Vavříčka и другие против Чешской Республики» (2021), рассмотренное ЕСПЧ, касающееся обязательной вакцинации детей, стало значимым прецедентом в контексте прав человека в условиях санитарных кризисов. Суд признал законными ограничения в сфере права на частную жизнь, указав, что общественные интересы по защите здоровья могут превалировать над индивидуальными свободами, если такие меры основаны на научных данных, законны и пропорциональны.

Подобные решения фиксируют смещение акцентов в интерпретации прав человека от абстрактного либерального индивидуализма к нормативному реализму, в котором права соотносятся с обязанностями, а свобода — с ответственностью перед обществом. Дело «S.A.S. против Франции» (2014), касающееся запрета на ношение никаба, также иллюстрирует этот тренд: Суд признал правомерность ограничений, сославшись на необходимость «жить вместе» как легитимную цель демократического общества. Эта формула, хотя и вызвала критику как не имеющая чётких юридических очертаний, тем не менее стала частью конвенционной доктрины, иллюстрируя расширение оснований допустимых ограничений прав в условиях культурных и цивилизационных противоречий.

Помимо европейской правозащитной системы, важную роль играют и региональные механизмы, охватывающие иные части мира — Африку, Америку, Азию. Так, Межамериканский суд по правам человека активно развивает концепцию «конвенционного контроля», согласно которой все государственные органы, включая суды, обязаны применять положения Межамериканской конвенции по правам человека с приоритетом над внутренними нормами, если последние противоречат международным обязательствам. Это особенно ярко проявилось в решении по делу «González и другие против Мексики» (2009), где Суд признал бездействие государственных органов в защите женщин от насилия нарушением Конвенции, установив тем самым высокий стандарт позитивных обязательств. В Африканской системе прав человека наблюдается становление особой региональной модели, в которой сочетаются универсалистские принципы с африканскими традициями и акцентом на коллективные права. Африканский суд по правам человека и народов, хотя и функционирует в условиях ограниченного числа ратификаций его юрисдикции, выносит решения, способные повлиять на укрепление континентальной правовой культуры в духе прав человека (например, дело «Tanganyika Law Society и другие против Танзании», 2013).

Вместе с изменениями в судебной практике наблюдаются сдвиги в понимании международной ответственности — как государств, так и международных организаций. Современное международное право всё чаще апеллирует к концепции «ответственности за защиту» (responsibility to protect), формально закреплённой в итоговом документе Всемирного саммита ООН 2005 года. Суть её заключается в признании за международным сообществом права (а в некоторых случаях и обязанности) вмешиваться, в том числе с применением силы, в случае массовых и систематических нарушений прав человека, таких как геноцид, этнические чистки или преступления против человечности. Хотя юридическая обязательность этой доктрины остаётся дискуссионной, её применение в контексте международной политики (например, в Ливии

в 2011 году) вызвало бурные дебаты относительно границ допустимого вмешательства и возможности злоупотребления гуманитарными основаниями в целях достижения geopolитических целей.

Особую значимость в правовом дискурсе приобретает и вопрос ответственности международных организаций за действия, затрагивающие права человека. В частности, деятельность миротворческих миссий ООН, международных финансовых институтов и транснациональных компаний вызывает всё большее количество жалоб, в том числе в связи с нарушениями прав местного населения, отсутствием механизмов компенсации ущерба, непрозрачностью процедур принятия решений. Исследователи, такие как J. Klabbers и A. Reinisch, подчёркивают необходимость создания комплексного механизма юридической ответственности международных акторов, включающего элементы как международного, так и внутреннего права, а также процедурные гарантии для жертв нарушений [13].

Одной из наиболее характерных черт современного этапа развития международно-правовой защиты становится тенденция к фрагментации и полицентризму. Универсальная система, некогда выстраиваемая на основе ООН и основных международных договоров, постепенно уступает место мозаичной конфигурации, включающей многочисленные региональные, субрегиональные и даже корпоративные системы защиты. Эта полицентричность проявляется в разнице в трактовке правовых категорий, в различных уровнях жёсткости стандартов, в конкуренции норм и юрисдикций. Например, нормы Европейской конвенции по правам человека не всегда совпадают с положениями Хартии основополагающих прав Европейского союза, а подходы Европейского суда по правам человека могут различаться с решениями Суда ЕС. Такая ситуация требует разработки механизмов координации, а также концептуального переосмыслиния самой идеи прав человека как общего правового языка, способного преодолевать региональные барьеры и идеологические разрывы.

Цифровая трансформация и права человека: вызовы международному праву

Современный этап развития общества характеризуется глубокой и всеобъемлющей цифровизацией, затрагивающей все сферы человеческой жизни — от бытовых практик до сложнейших институциональных структур. Право не может оставаться вне этих процессов, поскольку именно оно призвано устанавливать пределы допустимого, обеспечивать защиту прав и свобод личности, а в международной перспективе — выстраивать универсальные гарантии человеческого достоинства. Однако цифровая трансформация создала новые правовые вызовы, для ответа на которые традиционный инструментарий международного права оказывается не всегда адекватным. Основополагающие положения Всеобщей декларации прав человека (1948), Международного пакта о гражданских и политических правах (1966) и других универсальных документов были сформулированы в доцифровую эпоху и не предусматривали ни глобальных цифровых платформ, ни автономных алгоритмов, способных самостоятельно принимать решения, ни транснациональных корпораций, контролирующих информационные потоки с масштабом, сопоставимым с государствами.

Одной из ключевых проблем в международной защите прав человека в цифровую эпоху становится правовая неопределенность, обусловленная как технической сложностью цифровых процессов, так и отсутствием унифицированных правовых подходов на глобальном уровне. Несмотря на предпринимаемые усилия, международное право отстает от темпов цифрового прогресса: оно фиксирует факты нарушений, но с трудом формулирует превентивные и регулятивные механизмы. Примером может служить

ситуация с трансграничной передачей данных, которая регулируется на уровне отдельных юрисдикций — как, например, в рамках Общего регламента ЕС по защите данных (GDPR), вступившего в силу в 2018 году, — однако остаётся фрагментарной и неохваченной едиными международно-правовыми стандартами. В результате создаются ситуации, когда транснациональные цифровые компании оказываются де-факто выше национальных регуляторов, пользуясь несовершенством международной координации и отсутствием универсального договора в области цифровых прав.

Особое внимание в научном дискурсе привлекает проблема алгоритмического управления и роль искусственного интеллекта в процессе принятия решений, затрагивающих фундаментальные права человека. Алгоритмы, действующие на основе больших данных, становятся инструментами не только экономического анализа или целевой рекламы, но и социальной селекции, предиктивной полиции, управления социальными льготами. Парадокс цифровой эпохи заключается в том, что формально нейтральные технологии могут способствовать институционализации новых форм дискриминации — скрытых, неочевидных, но системных. В частности, Cathy O’Neil [14] подчёркивает, что алгоритмы, обученные на исторических данных, склонны воспроизводить и даже усиливать социальные предубеждения, поскольку прошлое, на котором они обучаются, уже несёт в себе элементы структурной несправедливости. Подобные эффекты фиксируются и в докладе Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (A/HRC/48/31, 2021), где указывается на риск нарушения права на справедливый суд, на равенство перед законом и на защиту от дискриминации при использовании ИИ в системе правосудия.

Наряду с проблемой алгоритмической дискриминации всё более актуальным становится вопрос о праве на приватность и защите персональных данных — праве, которое, с одной стороны, традиционно закреплено в международных документах (ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах), но с другой — переживает глубокую трансформацию в условиях цифровой эпохи. Массовое распространение технологий слежки, повсеместное использование биометрических данных, мониторинг поведения в интернете, обработка информации, полученной без согласия пользователя, подрывают основы прежнего понимания частной жизни. Несмотря на существование некоторых международных стандартов, таких как Руководящие принципы ОЭСР по защите конфиденциальности и трансграничным потокам персональных данных (2013), международное право пока не выработало универсального и юридически обязывающего подхода к этой сфере.

В свою очередь национальные подходы, как правило, варьируются: между жёсткой регламентацией и жёсткими санкциями в ЕС и более мягкой, фрагментарной моделью в США; между принципом государственного приоритета в Китае и моделью индивидуального согласия в странах Латинской Америки. Этот правовой плюрализм, в отсутствие действенного механизма транснациональной координации, порождает как правовые коллизии, так и правовые лакуны, что снижает общий уровень защищённости личной информации на международном уровне.

В свете растущего противоречия между универсалистскими претензиями международных норм и усилиями государств по укреплению цифрового суверенитета, всё чаще поднимается вопрос о новой оси конфликта: цифровой универсализм против цифрового суверенитета. Если первая концепция опирается на идею свободного, глобального интернета, равнодоступного для всех и регулируемого по единым стандартам, то вторая утверждает приоритет государства в управлении цифровым пространством, включая

контроль над данными, интернет-инфраструктурой и платформами.

Эта дихотомия отражена в поляризации глобальных подходов: например, Россия и Китай продвигают концепцию «цифрового суверенитета», закреплённую в официальных доктринах (в частности, в российской «Стратегии развития информационного общества в РФ» и в китайской политике «Киберсуверенитет»), в то время как ЕС выступает за международную цифровую солидарность, настаивая на необходимости «цифрового гуманизма» и защиты прав человека в цифровом измерении (Европейская декларация прав и принципов цифрового десятилетия, 2022). Такая конфигурация свидетельствует о формировании конкурирующих правовых парадигм, где международное право должно искать равновесие между признанием национальных интересов и необходимостью сохранения общих стандартов прав человека.

Наконец, цифровая эпоха породила запрос на признание новых прав, не предусмотренных ранее, но вытекающих из изменений в природе общественных отношений и способов коммуникации. Среди них — право на цифровое забвение, впервые институционализированное в практике Суда Европейского союза по делу *Google Spain SL v. Agencia Española de Protección de Datos* (2014); право на отключение (right to disconnect), закрепляемое в ряде стран (Франция, Италия, Ирландия) для защиты работников от давления цифровой доступности в нерабочее время; право на объяснение алгоритма, закреплённое в ст. 22 GDPR, предполагающее запрет автоматизированных решений без предоставления понятной логики действия. Некоторые авторы (Floridi L., Taddeo M.) [15] предлагают говорить также о праве на алгоритмическую справедливость — право на прозрачное, объяснимое и не дискриминирующее цифровое управление, особенно в сфере социальных и правовых услуг. Эти права пока не получили всеобщего признания, однако активно обсуждаются в рамках международных и национальных дискуссий как потенциально обязательные в будущем. Их правовая природа требует переосмыслиния классической модели прав человека — как набора статичных, вневременных норм — в пользу более динамичного подхода, учитывающего как технологические, так и социокультурные трансформации.

Следовательно, цифровая трансформация не только бросает вызов существующей международной правозащитной архитектуре, но и требует её глубокой адаптации, в том числе в нормативном, институциональном и философском измерении. Возникает необходимость выработки глобальной цифровой этики, закреплённой в праве и подкреплённой универсальной ответственностью — не только государств, но и частных цифровых акторов, чьё влияние на права человека становится всё более ощутимым.

Перспективы развития международно-правовой защиты прав человека в условиях трансформации конституционализма

Современное международное право защиты прав человека переживает сложный, многослойный этап эволюции, обусловленный как глобальными политико-экономическими изменениями, так и глубокой трансформацией самой доктрины конституционализма. На пересечении национального суверенитета и наднациональных механизмов формируется новая логика правозащитной архитектуры, в которой традиционные категории подвергаются переосмыслинию, а прежние концептуальные опоры требуют обновления. В этой связи особую значимость приобретает вопрос о возможности (или невозможности) формирования единого глобального правового порядка в сфере прав человека — того, что принято называть глобальной конституционализацией. Однако, как справедливо подчёркивает М. Розенфельд, конституционализм, имеющий смысл в рамках национального государства, в глобальном

измерении неизбежно сталкивается с проблемой легитимации, множественности субъектов и отсутствия суверенной воли [\[16\]](#).

Идея глобальной конституционализации прав человека нередко представляется как нормативная утопия, способная соединить фрагментарные международные механизмы в единую правовую ткань, основанную на универсальных ценностях и общепризнанных стандартах. Её концептуальные истоки можно усмотреть в духе Всеобщей декларации прав человека 1948 года и в последующем развитии международных пактов 1966 года, а также в деятельности таких органов, как Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд и Комитет ООН по правам человека. Однако, несмотря на правовой прогресс, идея универсального порядка наталкивается на резкое сопротивление со стороны государств, отстаивающих приоритет национальных правовых традиций, культурную специфику и политическую автономию. Так, страны Юго-Восточной Азии и Африки последовательно отстаивают региональный подход, предполагающий интерпретацию прав человека сквозь призму местных ценностей. Аналогично и в Европе, несмотря на общую юрисдикцию ЕСПЧ, национальные конституционные суды всё чаще заявляют о пределах интеграции и приоритете собственных конституционных начал (дело *PSPP* в Германии — яркий пример). Таким образом, глобальный конституционализм, хотя и остаётся в центре академических дискуссий, всё чаще рассматривается не как сложившаяся реальность, а как концептуальная рамка, нуждающаяся в адаптации к принципу плурализма и правовой полицентричности.

С этим напрямую связана проблема диалога между международным и национальным уровнями правовой системы. В условиях трансформации конституционализма становится очевидным, что жесткая иерархическая модель уступает место модели взаимодействия и взаимодополнения. Международные органы защиты прав человека — будь то договорные комитеты ООН, ЕСПЧ или другие региональные суды — не обладают ни полномочиями по принудительному исполнению решений, ни универсальным механизмом юрисдикции. Их эффективность зависит от готовности государств признавать авторитет международных инстанций, интерпретировать национальные нормы в свете международных обязательств, а также от способности национальных судов включаться в диалог, не разрушая основы внутреннего конституционного порядка. В этом контексте важна роль конституционного и верховного правосудия: именно они становятся посредниками между глобальными и внутренними правовыми началами. Как справедливо подчёркивал Т. Шапиро, будущее прав человека зависит от способности институтов национального уровня выступать в качестве трансмиссионного механизма глобальных ценностей [\[17\]](#).

При этом необходимость отхода от жёсткой универсализации в пользу более гибких моделей правовой защиты стала особенно актуальной в XXI веке, когда мир вступил в фазу правового и культурного многообразия. Универсальные стандарты, кодифицированные во второй половине XX века, утрачивают однозначность в условиях появления новых правовых форм, цифровых практик и региональных интерпретаций. На этом фоне всё большую актуальность приобретает концепция правовых экосистем — децентрализованных, многослойных правовых пространств, в которых нормы и практики сосуществуют, пересекаются и конкурируют. Подобная модель, по мнению Н. Уокера, предполагает отказ от линейной иерархии в пользу «сетевой» структуры, в которой международное, региональное и национальное право функционируют как элементы взаимосвязанной, но автономной системы [\[18\]](#). Это позволяет учитывать локальный контекст, усиливает адаптивность правовых решений и создаёт условия для более устойчивой правозащитной практики, особенно в условиях кризисов — миграционных,

климатических, цифровых.

Однако институциональные структуры, обеспечивающие международную правозащиту, в значительной мере сохранили архитектуру, восходящую к середине XX века. Это порождает запрос на реформу, как содержательную, так и процессуальную. Наиболее часто обсуждаемыми направлениями являются усиление полномочий международных судов, расширение механизмов исполнения решений, формализация роли неправительственных акторов и инкорпорация новых тем в повестку (цифровые права, климатическая справедливость, биоэтика). В докладе Совета Европы о будущем ЕСПЧ (2020) подчёркивается необходимость обеспечения баланса между независимостью суда и его эффективностью, между универсальностью стандартов и чувствительностью к национальной специфике. Похожие идеи звучат и в контексте реформ Комитета по правам человека ООН, где обсуждается введение более жёстких механизмов мониторинга исполнения рекомендаций и углубление взаимодействия с гражданским обществом.

Таким образом, тезис о трансформации конституционализма опирается на несколько взаимосвязанных тенденций. Во-первых, растёт значение международных и наднациональных институтов, чьи решения оказывают прямое влияние на национальные системы. Во-вторых, трансформируются механизмы нормативного контроля: государства всё чаще интегрируют международные стандарты в национальные правопорядки, включая их в конституционные практики. В-третьих, расширяется субъектный состав участников правового процесса — от международных организаций до негосударственных структур и цифровых платформ. Это позволяет говорить о постепенном переходе от классической иерархической модели к сетевой архитектуре конституционного порядка, в которой важна не замена национального международным, а их динамическое сосуществование. Такой подход не обесценивает традиционные основы конституционализма, но выявляет новые контуры его проявления в условиях меняющейся политико-правовой реальности.

В свете данных процессов возникает потребность в выработке новой концептуальной основы, способной объединить разнообразные направления развития конституционализма и международно-правовой защиты. Одной из таких концепций становится парадигма интегративного конституционализма [19], предложенная рядом современных правоведов. Она исходит из признания плюралистической природы современного правового порядка и предлагает не унитарное, а интегративное понимание конституционных ценностей, основанное на взаимном признании и диалоге. В рамках этой модели права человека рассматриваются не как набор внешне навязанных стандартов, а как результат совместного правотворчества различных уровней власти — международного, регионального, национального и субнационального. Иными словами, речь идёт о переходе от «глобального конституционализма» как метафоры к «интегративному конституционализму» как методологической и практической платформе, способной учитывать противоречивость современного мира и при этом не терять нормативной направленности на защиту человеческого достоинства.

Заключение

Анализ трансформационных процессов, затрагивающих международно-правовую систему защиты прав человека, позволяет выявить совокупность устойчивых тенденций, свидетельствующих о смене нормативных и институциональных парадигм. В современном мире, насыщенном технологическими, политическими и культурными вызовами, международное право сталкивается с необходимостью не только отвечать на новые

угрозы, но и глубоко переосмысливать саму природу прав человека, их источники, универсальность и механизмы обеспечения. Это уже не столько проблема применения существующих норм, сколько проблема их концептуального и методологического обновления.

Одна из ключевых тенденций — нарастающее расхождение между формальной универсальностью прав человека и фактической фрагментацией их правового воплощения на международной и национальных аренах. Традиционные механизмы, сформированные в послевоенную эпоху, — прежде всего универсальные договоры, такие как Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), и институции, как, например, Комитет по правам человека ООН, — оказались недостаточно гибкими в условиях новой политики-правовой полицентричности. Важнейшим вызовом становится также смещение акцентов в самих предметных областях правовой защиты. Если ранее преобладали категории, укоренённые в либеральной традиции — свобода слова, право на справедливое судебное разбирательство, свобода вероисповедания, — то в современную эпоху они дополняются (а порой и вытесняются) новыми типами прав, таких как права, связанные с цифровой идентичностью, алгоритмической справедливостью, экологической безопасностью, доступом к интернету, биоэтической автономией. При этом правовая доктрина, как и позитивное право, нередко оказывается не готова к их комплексной артикуляции, что порождает правовую неопределенность и усложняет международный мониторинг. Право человека на защиту персональных данных, признанное в ряде актов регионального уровня (в частности, в статье 8 Хартии ЕС о фундаментальных правах), до сих пор не обладает универсальной правовой категорией в рамках ООН. Подобные разрывы между актуальными потребностями и юридическим воплощением делают необходимым глубокий пересмотр оснований правозащитной концепции как таковой.

На этом фоне обостряется потребность в концептуальной адаптации всей международно-правовой системы. Требуется не столько косметическая модернизация отдельных институтов, сколько методологический сдвиг — от нормативного универсализма к гибкому правовому интегрализму, способному учитывать изменчивую природу человеческой субъективности, динамику глобальных процессов и множественность правовых культур. Такая адаптация должна предполагать признание правового плюрализма в рамках международного правопорядка, не как угрозы, а как ресурса правовой эволюции. Как отмечает L. A. Coser в классическом социологическом исследовании конфликтов, именно напряжённость между универсальными и локальными началами может становиться источником развития, а не деструкции [20]. Это утверждение приобретает особое значение в сфере прав человека, где конфликт не означает отступление от норм, а требует их переосмысления в новых контекстах.

Сама по себе трансформация конституционализма приобретает значение не вторичного процесса, отражающего изменения в международной правозащите, а фундаментального вектора, определяющего архитектуру будущих правовых систем. Конституционализм, как идея ограничения власти через право и гарантии индивидуальных свобод, претерпевает институциональную и содержательную эволюцию. Если традиционно он ассоциировался с государством, его институтами и суверенитетом, то в условиях глобальной взаимозависимости конституционализм всё чаще проявляется в полицентрической форме. Это означает, что его носителями становятся не только национальные государства, но и международные организации, транснациональные сети, негосударственные акторы, а также цифровые инфраструктуры, формирующие новую нормативность.

Подобный подход не отрицает исторической связи конституционализма с государственностью, но расширяет его рамки, фиксируя появление новых источников правотворчества и правореализации, действующих вне классических суверенных границ. Полицентрическая модель позволяет учесть тот факт, что защита прав человека, как одна из ключевых задач конституционализма, сегодня реализуется в пространстве множественных юрисдикций и требует согласования между различными уровнями правовой регуляции. В этом контексте важно не противопоставление национального и международного, а их взаимодополнение и институциональная синергия.

Следует подчеркнуть, что устойчивость и эффективность системы международно-правовой защиты в XXI веке невозможны без осмыслиения значения этих трансформаций. Принцип универсальности прав человека не должен восприниматься как статичная категория, извлечённая из исторического контекста. Напротив, он должен быть открыт к диалогу с реальностью, к включению в себя новых субъектов и форматов, к признанию различий, не разрушающих, а углубляющих универсальную идею человеческого достоинства. Лишь в этом случае международное право сможет сохранить свою нормативную силу, не теряя при этом эмпатии к культурной и социальной многомерности современного мира.

Будущее глобальной правовой архитектуры, таким образом, не лежит в плоскости унификации, а в способности сочетать универсальные принципы с локальной спецификой. Это требует от международного сообщества не отказа от прежних стандартов, но их реконфигурации в рамках более сложных, гибких и адаптивных правовых форм. Универсальные начала — достоинство, свобода, равенство — остаются краеугольным камнем правового порядка. Однако их реализация всё в большей степени зависит от способности международного права создавать институциональные формы, способные учитывать региональные и национальные контексты, культурные различия и технологические вызовы. Только в этом случае можно говорить о построении по-настоящему справедливого и устойчивого международно-правового порядка в сфере защиты прав человека.

Библиография

1. Мутуа М. У. *Cavages, victims, and saviors: The metaphor of human rights* // Harvard International Law Journal. 2001. Т. 42. С. 201-245.
2. Сен А. Идея справедливости. Кембридж: The Belknap Press of Harvard University Press, 2009. 468 с.
3. Василевич Д. Г. Теоретико-прикладные аспекты развития прав и свобод человека и гражданина // Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 4. С. 151-158. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.4.20. EDN: DJQWIE.
4. Доннелли Дж. Универсальные права человека: теория и практика. Итака: Cornell University Press, 2013. 336 с.
5. Кравец И.А. Глобальный и отечественный конституционализм в условиях формирования интеграционного права: конституционная телеология, футуризм и структура современных конституций // Право и политика. 2019. № 10. С. 1-23. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.10.27293 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27293
6. Чайка К. Л. Глобальный конституционализм или конституционализация права интеграционных объединений? // Государство и право. 2020. № 3. С. 142-151. DOI: 10.31857/S013207690008692-3. EDN: KIPVBF.
7. Стоун-Свит А., Мэтьюс Дж. Пропорциональность и глобальный конституционализм // Columbia Journal of Transnational Law. 2008. Т. 47. С. 73-165.

8. Айкенберри Г. Дж. Конец либерального международного порядка? // International Affairs. 2018. Т. 94. № 1. С. 7-23.
9. Голосковов Л. В. Принципы права постлиберальной России // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 124-131. EDN: GPTNGB.
10. Зубофф Ш. Эпоха капитализма слежки: борьба за человеческое будущее на новом фронте власти. Нью-Йорк: PublicAffairs, 2019.
11. Кумм М. Космополитический поворот в конституционализме: интегрированное понимание публичного права // Indiana Journal of Global Legal Studies. 2013. Т. 20. Вып. 2, Статья 4.
12. Летсас Г. Теория интерпретации Европейской конвенции о правах человека. 2007. 176 с.
13. Клаберс Й. Размышления о роли ответственности: ответственность международных организаций за бездействие // European Journal of International Law. 2017. Т. 28. Вып. 4. С. 1133-1161.
14. О'Нил К. Оружия математического разрушения: как большие данные увеличивают неравенство и угрожают демократии. 272 с.
15. Флориди Л., Таддео М. Что такое этика данных? Philos Trans R Soc A: Math Phys Eng Sci. 2016. Т. 374. Вып. 2083, статья 20160360.
16. Розенфельд М. Идентичность конституционного субъекта. Нью-Йорк: Routledge, 2010. 344 с.
17. Шапиро М. Судебные органы: сравнительный и политический анализ. Чикаго: Univ of Chicago Pr, 1981. Первое издание. 245 с.
18. Уокер Н. Идея конституционного плюрализма // Modern Law Review. 2002. Т. 65. С. 317-359.
19. Бабурин С. Н. Интегративный конституционализм: монография. Москва: Норма: Инфра-М, 2020. 264 с.
20. Козер Л. А. Функции социального конфликта. Лондон: Routledge and Kegan Paul, 1956. 300 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Международно-правовая защита прав человека в условиях трансформации современного конституционализма: основные тенденции и перспективы развития»
Объектом исследования выступает совокупность правоотношений, возникающих вследствие международно-правовой защиты прав человека в условиях трансформации современного конституционализма. Предметом представленного на рецензирование исследования являются теоретические взгляды по тематике статьи, международно-правовая регламентация защиты прав человека, а также правоприменительная практика в изучаемой сфере.

Среди методологического арсенала автора особенно полезными, исходя из целей и задач, следует признать методы сравнительного анализа, особенно в плане сопоставления национальных моделей взаимодействия с международными судебными инстанциями; структурно-системный метод, объясняющий формирование состояния фрагментарности международно-правовой защиты прав соответствующей внешне- и внутриполитической конъюнктурой; метод моделирования, позволивший автору наметить контуры интегративной международно-правовой защиты прав с учетом реалий цифровой

эпохи.

Актуальность разработки заявленной темы не вызывает сомнений в свете кризиса сложившейся на современном историческом этапе международно-правовой архитектуры защиты прав, неадаптированности международного права к условиям цифровой трансформации прав и свобод человека, а также противоречивого и порой полярного отношения национальных элит к вопросам глобальных стандартов правозащиты. Это неминуемо предполагает необходимость выработки некоей новой компромиссной модели, которая могла бы в известной мере учесть позиции как сторонников решительной суверенизации, так и приверженцев глобального миропорядка.

Статья обладает, на наш взгляд, достаточным уровнем научной новизны, поскольку является одним из первых исследований, в котором с учетом новых реалий (пандемия, цифровизация, регионализация и даже национальная изоляция механизмов защиты прав и свобод человека) проанализирована международно-правовая защита прав человека в условиях трансформации современного конституционализма. Кроме того, заслуживают внимания предложенное автором понимание конституционализма: «Если раньше он был связан преимущественно с государственным уровнем, то теперь он всё чаще осмысляется как полицентрическая сеть норм и институтов, в которой государственные, международные и негосударственные акторы участвуют в артикуляции и реализации правовых стандартов». Такое понимание конституционализма вместе с тем не бесспорно, о чем более подробно будет указано в заключении рецензии.

Статья характеризуется в целом научным стилем изложения. Содержание в целом логично.

Библиография как по своему наполнению, так и по оформлению представляется вполне соответствующей работам соответствующего рода.

Апелляция к оппонентам достаточна по своему объему и вполне информативна.

Автору, на наш взгляд, следовало бы, на наш взгляд, развести понятия «конституционализм» и «международно-правовой порядок». Выводя конституционализм на глобальный уровень, автор отрывает его от национальных корней и подчиняет некоему наднациональному алгоритму. Возникает вопрос: можно ли мы вообще говорить о некоей всемирной трансформации конституционализма для стран с различным государственно-правовым развитием и отношением к международно-правовой системе защиты прав? В этой связи авторское понимание конституционализма и его трансформации требует дополнительной аргументации. Представляется, это придало бы работенюю завершенность.

В целом следует заключить, что представленная на рецензирование статья вызовет определенный интерес у читательской аудитории, заинтересованной в международно-правовых исследованиях. При условии определенной доработки она вполне может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, международно-правовая защита прав человека в условиях трансформации современного конституционализма. Автор сосредоточил внимание на анализе соответствующих основных тенденций и перспектив развития. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Современная эпоха характеризуется глубинными изменениями, охватывающими как политico-правовые, так и социально-экономические структуры общества, что неминуемо сказывается на устоявшихся механизмах регулирования и защиты прав человека. Особое место среди этих изменений занимает трансформация конституционализма как фундаментального принципа организации публичной власти и взаимодействия государства с личностью. Конституционализм, формировавшийся на основе идей народного суверенитета, верховенства права, разделения властей и гарантии прав и свобод, в последние десятилетия оказался под давлением внешнеправовых и внутригосударственных вызовов. На фоне ослабления традиционных демократических институтов, политической фрагментации и растущего недоверия к правовым механизмам международной и национальной юрисдикции, актуализируется вопрос о пересмотре и адаптации существующих систем правовой защиты к новым реалиям. Глобализация, выступающая не только как экономический, но и как нормативно-ценостный феномен, существенно повлияла на концептуальные основания прав человека. Усиление взаимозависимости государств, расширение трансграничных потоков информации, капитала и людей, а также институционализация международных организаций обусловили рост влияния международного права на внутренние правовые порядки"; "Помимо технологических и экономических факторов, на структуру международно-правовой защиты оказывают влияние кризисные явления политического характера — в частности, деградация механизмов демократии, рост авторитарных тенденций, милитаризация политических процессов и институциональный скептицизм по отношению к международному праву. Эти процессы приводят к правовому изоляционизму, ограничению юрисдикции международных судов и усилию конфликтов между национальными конституциями и международными обязательствами. В подобных условиях происходит не просто трансформация формы правового регулирования, но и смена нормативной парадигмы, что требует глубокого анализа и переоценки". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна исследования проявляется в том, что "... в нём предпринята попытка рассмотреть международно-правовую защиту прав человека не в статической перспективе, опираясь исключительно на правовые нормы и институты, а в динамике — сквозь призму трансформирующегося конституционного порядка". Она отражена в ряде заключений автора: "Таким образом, в условиях трансформации современного конституционализма международно-правовая защита прав человека представляет собой не просто систему норм и институтов, но и динамичную концептуальную модель, призванную адаптироваться к новым вызовам и сохранять ценностное ядро правовой цивилизации. Исследование её теоретико-правовых оснований требует не только юридического, но и междисциплинарного анализа, позволяющего охватить сложные взаимосвязи между правом, политикой, культурой и технологиями, определяющими уровень международно-правовой защиты в XXI веке"; "... процесс трансформации конституционализма происходит не как единый глобальный процесс, а как совокупность локализованных изменений, отражающих адаптацию общих принципов к особым условиям. Это позволяет говорить о множественности моделей современного конституционализма, формируемых под влиянием как внутренних, так и внешних факторов. Тем самым трансформация конституционализма затрагивает не только внутренние юридические системы, но и архитектуру международной защиты прав человека, ставя перед ней задачи адаптации, переоценки принципов и выработки новых концептуальных оснований, способных противостоять нарастающему давлению кризисов,

нелиберальных практик и технологических вызовов"; "Одной из наиболее характерных черт современного этапа развития международно-правовой защиты становится тенденция к фрагментации и полицентризму. Универсальная система, некогда выстраиваемая на основе ООН и основных международных договоров, постепенно уступает место мозаичной конфигурации, включающей многочисленные региональные, субрегиональные и даже корпоративные системы защиты. Эта полицентричность проявляется в разнице в трактовке правовых категорий, в различных уровнях жесткости стандартов, в конкуренции норм и юрисдикций. Например, нормы Европейской конвенции по правам человека не всегда совпадают с положениями Хартии основополагающих прав Европейского союза, а подходы Европейского суда по правам человека могут различаться с решениями Суда ЕС. Такая ситуация требует разработки механизмов координации, а также концептуального переосмысливания самой идеи прав человека как общего правового языка, способного преодолевать региональные барьеры и идеологические разрывы" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть статьи состоит из нескольких разделов: "Теоретико-правовые основания международно-правовой защиты прав человека"; "Трансформация конституционализма и ее влияние на международную защиту прав человека"; "Современные тенденции в международно-правовой защите прав человека"; "Цифровая трансформация и права человека: вызовы международному праву"; "Перспективы развития международно-правовой защиты прав человека в условиях трансформации конституционализма". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено небольших недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В этой связи традиционные категории прав человека по мнению Д.Г. Василевича должны быть переосмыслены в контексте новых глобальных угроз [3]" - "В этой связи традиционные категории прав человека, по мнению Д.Г. Василевича, должны быть переосмыслены в контексте новых глобальных угроз[3]" (см. на пунктуацию).

Ученый отмечает: "В частности, G. J. Ikenberry, отмечает, что в логике нелиберального конституционализма происходит переопределение прав человека как производных от воли «настоящего народа», что подрывает их универсальный характер и способствует правовому изоляционизму [8]" - вторая запятая является лишней.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются пунктуационные ошибки.

Библиография исследования представлена 20 источниками (монографиями и научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (G. Letsas и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы должным образом и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Анализ трансформационных процессов, затрагивающих международно-правовую систему защиты прав человека, позволяет выявить совокупность устойчивых тенденций, свидетельствующих о смене нормативных и институциональных парадигм. В современном мире, насыщенном технологическими, политическими и культурными вызовами,

международное право сталкивается с необходимостью не только отвечать на новые угрозы, но и глубоко переосмысливать саму природу прав человека, их источники, универсальность и механизмы обеспечения. Это уже не столько проблема применения существующих норм, сколько проблема их концептуального и методологического обновления. Одна из ключевых тенденций — нарастающее расхождение между формальной универсальностью прав человека и фактической фрагментацией их правового воплощения на международной и национальных аренах. Традиционные механизмы, сформированные в послевоенную эпоху, — прежде всего универсальные договоры, такие как Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), и институции, как, например, Комитет по правам человека ООН, — оказались недостаточно гибкими в условиях новой политики-правовой полицентричности. Важнейшим вызовом становится также смещение акцентов в самих предметных областях правовой защиты. Если ранее преобладали категории, укоренённые в либеральной традиции — свобода слова, право на справедливое судебное разбирательство, свобода вероисповедания, — то в современную эпоху они дополняются (а порой и вытесняются) новыми типами прав, таких как права, связанные с цифровой идентичностью, алгоритмической справедливостью, экологической безопасностью, доступом к интернету, биоэтической автономией. При этом правовая доктрина, как и позитивное право, нередко оказывается не готова к их комплексной артикуляции, что порождает правовую неопределенность и усложняет международный мониторинг. Право человека на защиту персональных данных, признанное в ряде актов регионального уровня (в частности, в статье 8 Хартии ЕС о фундаментальных правах), до сих пор не обладает универсальной правовой категорией в рамках ООН. Подобные разрывы между актуальными потребностями и юридическим воплощением делают необходимым глубокий пересмотр оснований правозащитной концепции как таковой. На этом фоне обостряется потребность в концептуальной адаптации всей международно-правовой системы. Требуется не столько косметическая модернизация отдельных институтов, сколько методологический сдвиг — от нормативного универсализма к гибкому правовому интегрализму, способному учитывать изменчивую природу человеческой субъективности, динамику глобальных процессов и множественность правовых культур" и др.), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере конституционного права при условии ее небольшой доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы (в рамках сделанного замечания), устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Международно-правовая защита прав человека в условиях трансформации современного конституционализма: основные тенденции и перспективы развития».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам

международно-правовой защиты прав человека на современном этапе развития общества. Автором в статье рассматриваются следующие вопросы: теоретико-правовые основания международно-правовой защиты прав человека, трансформация конституционализма и её влияние на международную защиту прав человека, современные тенденции в международно-правовой защите прав человека, цифровая трансформация и права человека, перспективы развития международно-правовой защиты прав человека в условиях трансформации конституционализма. В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, мнения ученых, положения законодательства и международных актов, материалы практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена: «целью статьи становится не только правовой анализ существующих норм, но и формулирование ориентиров для возможной трансформации правозащитных механизмов в условиях постклассического конституционализма». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм международных актов. Например, следующий вывод автора: «Эта дилемма отражена в поляризации глобальных подходов: например, Россия и Китай продвигают концепцию «цифрового суверенитета», закреплённую в официальных доктринах (в частности, в российской «Стратегии развития информационного общества в РФ» и в китайской политике «Киберсуверенитет»), в то время как ЕС выступает за международную цифровую солидарность, настаивая на необходимости «цифрового гуманизма» и защиты прав человека в цифровом измерении (Европейская декларация прав и принципов цифрового десятилетия, 2022)».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема международно-правовой защиты прав человека на современном этапе развития общества сложна и неоднозначна. В современном мире в связи с глобализацией развитие международных судов противоречиво. С одной стороны, есть различные региональные международные суды, которые решают задачи обеспечения прав человека. С другой стороны, имеются большие вопросы, связанные с соотношением компетенций внутренних и международных судов в последнее время ввиду существенных противоречий между рядом государств по политическим вопросам. Сложно спорить с автором рецензируемой статьи в том, что «Глобализация, выступающая не только как экономический, но и как нормативно-ценностный феномен, существенно повлияла на концептуальные основания прав человека. Усиление взаимозависимости государств, расширение трансграничных потоков информации, капитала и людей, а также институционализация международных организаций обусловили рост влияния международного права на внутренние правовые порядки».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.
Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она

выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «Одна из ключевых тенденций — нарастающее расхождение между формальной универсальностью прав человека и фактической фрагментацией их правового воплощения на международной и национальных аренах. Традиционные механизмы, сформированные в послевоенную эпоху, — прежде всего универсальные договоры, такие как Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), и институции, как, например, Комитет по правам человека ООН, — оказались недостаточно гибкими в условиях новой политико-правовой полицентричности. Важнейшим вызовом становится также смещение акцентов в самих предметных областях правовой защиты».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению практики разных стран, что может быть полезно специалистам в сфере исследования.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с международно-правовой защитой прав человека на современном этапе развития общества.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом разрешил поставленную цель исследования, предложив выводы, касающиеся заявленной проблематики.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений при оформлении статьи не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Васильевич Д.Г., Доннелли Дж., Кравец И.А., Стоун-Свит А., Мэтьюс Дж., Флориди Л. Таддео М. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области международного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к проблемам международно-правовой защиты прав человека.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны
статьи
«Рекомендую опубликовать»